Чурилина Л. Н. Художественный концепт РОССИЯ как вариант национального концепта / Л. Н. Чурилина, Д. С. Бужинская // Научный диалог. — 2019. — № 4. — С. 114—126. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-114-126.

Churilina, L. N., Buzhinskaya, D. S. (2019). RUSSIA Art Concept as National Concept Variant. *Nauchnyi dialog*, 4: 114-126. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-114-126. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:821.161.1Горький.08+81'373.218

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-114-126

Художественный концепт РОССИЯ как вариант национального концепта

© Чурилина Любовь Николаевна (2019), orcid.org/0000-0002-2898-8538, Scopus ID 57193090940, Autor ID 475708, SPIN-code 7816-6683, доктор филологических наук, профессор, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Магнитогорск, Россия), lchurilina@gmail.com.

© Бужинская Дарья Сергеевна (2019), orcid.org/0000-0002-4557-8100, Scopus ID 57193091672, Author ID 281286, SPIN-code 6481-3999, кандидат филологических наук, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Магнитогорск, Россия), buzhinskaya_d@mail.ru.

Статья посвящена представлению результатов анализа концепта РОССИЯ как фрагмента художественного дискурса и одновременно фрагмента национальной картины мира, сформировавшейся на рубеже XIX и XX веков — переломном этапе в истории государства. Специфика концепта РОССИЯ как концепта-стереотипа определяется его прямой соотносённостью с самоидентификацией представителей социальной группы, что позволяет квалифицировать его как доминанту национальной картины мира. В качестве источника материала для реконструкции концепта используется текст романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина», в котором гением автора материализована рефлексия российской интеллигенции как социального слоя во всём многообразии его представителей. Основным в исследовании явился корпусный контент-анализ в сочетании с приемами статистического, контекстного, дистрибутивного и компонентного анализа. Определяемая жанром эпопеи полисубъектность романа и связанная с нею калейдоскопичность точек зрения позволили представить модель концепта в виде матрицы, заполнение которой лексическим материалом детерминировано и индивидуальной мировоззренческой позицией, и рамками определённой социальной группы, и событийным фоном. Анализ ближайшего окружения имён концепта РУСЬ / РОССИЯ позволил выявить несколько семантических областей (слотов), вступающих в сложную систему взаимных связей: «власть — интеллигенция — народ», «революция — бунт», «Европа — Запад», «болезнь» и «деньги». Периферия концептуальной структуры включает слоты «пейзаж», «пьянство», «церковь / вера». Системные связи слотов оказываются столь многочисленными и разнонаправленными, что выделить

абсолютную доминанту концепта и представить его структуру как иерархическую крайне затруднительно.

Ключевые слова: художественный дискурс; национальная самоидентификация; текстовый концепт; вербализаторы концепта; концепт-стереотип; конкорданс.

1. Художественный концепт как объект исследования: постановка проблемы

Вопреки высказываемым в 90-е годы XX века сомнениям, концепт сегодня претендует на роль приоритетного объекта исследования практически во всех отраслях филологического знания. Проведённый обзор научных публикаций позволяет констатировать, что концептуальные исследования в последние десятилетия становятся своего рода «визитной карточкой» гуманитаристики: результат поискового запроса в РИНЦ — 24 тыс. публикаций с ключевым словом *концепт* в заголовочном комплексе.

Система аргументов «сомневающих» основывалась на признании факта принципиальной ненаблюдаемости концепта: концепты представляют собой интеллигибельные конструкции, описание которых оказывается возможным только в случае обращения к материальным «продуктам» человеческой деятельности. Проблема нашла разрешение в филологии: материалом для концептуального анализа остаётся традиционный для науки объект — текст или его фрагменты. Концепт реконструируется на основе формулирования специфических для каждого текста правил функционирования языковых единиц («“Концепт” можно рассматривать как семантическое правило, определяющее употребление характеризующих знаков» [Моррис, 2001, с. 66]). Основным предметом концептуального анализа в подавляющем большинстве случаев становится совокупность языковых единиц (чаще — слов), при этом исследовательская задача заключается в установлении характера проявляющихся в тексте парадигматических и синтагматических отношений, объединяющих эти единицы и позволяющих говорить об их смысловой (концептуальной) общности.

Художественный текст в российской филологии новейшего периода оказался естественно вовлеченным в орбиту концептуальных исследований, поскольку целью концептуального анализа как такового является установление смыслов, «которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [Кубрякова, 1991, с. 85], а текст, создаваемый субъектом, делает эти когнитивные структуры наблюдаемыми. Концептуальный анализ художественного текста представляет собой особый тип его исследования, при котором «основу отталкивания составляют понятийные категории», а задача заключает-

ся в стремлении «проследить, как они воплощаются в тексте» Николаева, 2000, с. 429]. Иначе говоря, концептуальный анализ художественного текста нацелен на выявление языковых единиц, функционально связанных с объективацией затекстовых смыслов — концептов.

Текстовый концепт определяется нами как фрагмент концептуальной картины мира, репрезентированной в рамках некоторого текста. Основным репрезентантом концепта в тексте является слово, которое может рассматриваться как ключевое слово, или слово-тема, обрастающее в тексте «ореолом синонимов, метафорических и метонимических обозначений, контекстуальных антонимов» [Караулов, 1987, с. 81], шире — ореолом слов, воплощающим, «материализующим» некоторую идею. Имя текстового концепта обретает смысл, «проходя сквозь» текст (Л. С. Выготский) и формируя уникальную внутритекстовую лексическую парадигму.

2. Материал исследования и основные методы

Что касается критериев отбора текста на роль источника языкового материала, то они детерминируются целями исследования. Проводимое исследование предполагало выявление и систематизацию совокупности лексических единиц, являющихся в тексте вербализаторами концепта *Россия*, с последующей реконструкцией структуры концепта, то есть моделированием набора слотов.

Наш интерес к последнему роману М. Горького определили его полифоничность, или полисубъектность (концепция М. М. Бахтина), и энциклопедичность: «“Жизнь Клима Самгина” — это и энциклопедия жизни русской интеллигенции конца XIX — начала XX века, и пособие по изучению русского менталитета, и своеобразный учебник по истории политических учений» [Вергилис, 2019]. Множество отражённых в тексте персонажных «голосов» материализуют результаты саморефлексии представителей российской интеллигенции как социального слоя, во всём многообразии «голосов» [Спиридонова, 2011; Полякова, 2012], что даёт возможность реконструкции модели концепта *Россия* как фрагмента национальной картины мира рубежа XIX — XX веков.

Материалом для исследования послужила электронная версия текста романа-эпопеи М. Горького «Жизнь Клима Самгина» [Горький] (далее анализируемые текстовые фрагменты не паспортизируются), анализируемого в том числе с использованием специальной программы для составления конкордансов по некоторому корпусу текстов — конкордансера AntConc3.2.4w [Программа...]. Основным в исследовании явился корпус-

ный контент-анализ, а также сочетание аналитических методик — статистического, контекстного, дистрибутивного и компонентного анализа.

3. Концепт РОССИЯ как концепт-стереотип: к вопросу о специфике

Концепты, функция означивания которых приписывается именам собственным, в силу семантической «пустоты» последних обладают набором специфических характеристик, позволяющих исследователям относить их к числу стереотипов (stereotype). Содержание концепта-стереотипа составляет совокупность стандартных мнений; он «обладает логической формой суждения, в заострённо упрощающей и обобщающей форме, с эмоциональной окраской приписывающего определённом классу лиц определённые свойства или установки, — или, наоборот, отказывающего им в этих свойствах или установках» [Краткий словарь ..., 1997, с. 177]. В набор функций концептов-стереотипов включаются: генерализация, или упорядочение информации, и социальная категоризация — формирование социальных структур на основе разграничения «свой» / «чужой». Названные функции определяют направление и возможные аспекты анализа этого типа когнитивных структур.

Концепт-стереотип РОССИЯ и подобные ему (АНГЛИЯ, ВЕНГРИЯ, ИРАН и проч.) представляют особый интерес для исследования национального менталитета, поскольку предположительно фиксируют устоявшийся в рамках некоторой социальной группы «образ себя», синонимизирующий с социальной / национальной идентичностью [Чурилина, 2018, с. 96], а потому могут служить формированию объективного представления о доминантах национальной картины мира. В жизни любого этноса (равно как и его части — социальной группы и её отдельного представителя) случаются периоды постановки так называемых вечных вопросов, в числе которых непременно оказываются: *кто я?* и *зачем пришёл в этот мир?* Результаты поиска и определяют состояние «национального сознания». Так сложилось, что российский многонациональный этнос последние полтора века мучительно ищет ответы именно на эти — вечные, они же проклятые, — вопросы, что неизбежно связано с перманентными попытками пересмотра системы социальных ценностей.

Общепризнанная «литературоцентричность» русской духовной и социальной жизни, выраженная поэтической формулой Е. Евтушенко: *Поэт в России — больше, чем поэт* («Молитва перед поэмой»: *Поэт в России — больше, чем поэт. В ней суждено поэтами рождаться лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства, кому покоя нет, уюта нет*), предполагает правомерность рассмотрения фрагментов художественного

дискурса в качестве «материального» её, этой жизни, воплощения [Крюкова, 2018].

Исследование осуществлялось в три этапа: (1) идентификация средств именования концепта, (2) анализ ближайшего окружения слов — имён концепта, (3) моделирование концепта как структурированного знания (методика представлена в [Чурилина, 2018; Чурилина и др., 2017]). Останемся на основных результатах каждого из этапов исследования.

4. Средства именования концепта **РОССИЯ** в тексте

На этапе идентификации лексических средств именования концепта *Россия* с использованием возможностей конкордансера были выявлены два имени собственных (здесь и далее для анализируемых слов указан индекс частотности — ИЧ): *Русь* — ИЧ-33; *Россия* — ИЧ-164. Простое сопоставление двух ИЧ позволяет дать однозначный ответ на вопрос о предпочтительном способе именования концепта в рамках анализируемого текста.

Словообразовательный потенциал названных имён собственных в тексте практически не используется (*россияне* — ИЧ-1; *всероссийская (ярмарка)* — ИЧ-3); исключение составляет высокочастотное прилагательное *русский* (совокупный ИЧ-383), однако контексты этой лексической единицы нами не анализировались как имеющие потенциально более жёсткую, в сравнении с признаковым именем *российский*, ориентацию на принадлежность субъекта к определённой этнической группе.

После дополнительного отбора к анализу было привлечено 127 текстовых фрагментов различного объёма (из 198 контекстов, включающих имена *Россия* и *Русь*). Основным критерием при определении границ анализируемого фрагмента текста было представление о его относительной смысловой завершенности и о реализации сочетаемостных возможностей ключевого слова (совокупности его синтаксических и семантических зависимостей).

На этапе анализа ближайшего лексического окружения ключевых слов *Русь* и *Россия* выявлены основные смысловые (тематические) группы — языковые эквиваленты слотов как структурных компонентов соответствующего концепта.

5. Структурные компоненты модели текстового концепта **РУСЬ**

В числе контекстов с ключевым именем *Русь* представляется возможным выделить несколько смысловых зон (тем), причём их значимость — занимаемое место в формирующемся смысловом поле — различна. Так, ожидаемые с высокой степенью вероятности в ближайшем контексте имени *Русь* прилагательные *святая* и *московская* [Чурилина и др., 2017]

представлены в единичном употреблении (ИЧ-3 и ИЧ-1 соответственно). В числе наименее актуальных оказываются следующие темы:

(1) «пейзажное своеобразие»: назвал **Русь** парчовой, ситцевой и наконец — «чудесно вышитой по бархату зелёному шелками разноцветными рукою величайшего из художников — божьей рукой»; несмотря на обилие лесов на **Руси**; Вот это — настоящая **Русь**, красивая, уютная земля простых людей;

(2) «государственное устройство»: <...> провинциальную, уездную **Русь**; Курчавенький казачишка хлещет нагайкой стариков, которые по полусотне лет царей сыто кормили, епископов, вас всех, всю **Русь** <...>; Вы, жители многочисленных губерний, уездов, промысловых сёл, вы — настоящая **Русь**;

(3) «пьянство»: пил, как все на **Руси**, не соблюдая чувства меры.

Периферия концепта РУСЬ, как видим, имеет едва намеченные контуры: Русь мыслится как обширное пространство, социально-географически неоднородное. Обращает на себя внимание включённое в ближайшее окружение ключевого имени признаковое слово *настоящая*, в предлагаемом контексте актуализирующее оценочный семантический компонент. Имплицитно заявлена оппозиция «настоящая vs. ненастоящая»: с одной стороны — *простые люди, старики, жители*, с другой — *цари, епископы и курчавенький казачишка* как символ охранных структур государства.

К более устойчивым в языковой экспликации тематическим областям концептуальной структуры с ключевым именем *Русь* относятся взаимосвязанные «ум» / «мысль» и «народ»: *Да, разум у нас, на Руси, многое сдвинул с природного места на ложный путь под гору; Русь наша — страна кустарного мышления; Есть такая степень талантливости, которая делает людей идиотами, невыносимо, ужасающе талантливыми. Именно такова наша Русь; <...> необходимо видеть человека, возглавлявшего огромную, богатую Русь, страну, населённую каким-то скользким народом, о котором трудно сказать что-нибудь определённое, трудно потому, что в этот народ слишком вкраплены какие-то озорниковые люди.*

Намеченная на периферии концепта оппозиция «настоящая vs. ненастоящая» в представленных контекстах обретает развитие: *царь — народ*. И если первый член оппозиции находится вне зоны оценки, то оценка, даваемая *народу*, подчёркнуто амбивалентна: народ разумен и талантлив, но и то, и другое ложно, примитивно (*кустарно*), на грани нормы, а потому вызывает скорее страх, чем уважение (*невыносимо, ужасающе, трудно*); если предположить, что корневая морфема в *озорниковые* та же, что и в слове *озорной*, то можно, обратившись к этимологическому словарю

русского языка, выяснить, что *озорной* толкуется как слово, входящее в ряд к *ззорный*, *зреть*, *позор*, *позорный* и восходящее к *озор* (имеет в русском языке значения ‘лазутчик, соглядатай, сторож, сторожевой пес’) [Фасмер, т. III, с. 126].

Опора на статистический показатель позволяет признать безусловно доминирующим в рассматриваемом текстовом материале смысловое поле «пробуждение» / «начало движения»: *На святой Руси петухи поют, — Скоро будет день на святой Руси!; А может быть, Русь только бредит во сне?; Просыпается Русь!; <...> Русь просыпается; Яснее ясного, что Русь надобно обтёсывать топором, её не заостришь перочинными ножичками; Закипает Русь! Снова закипает...; Встаёт Русь на дыбы; Зашевелилась Русь; <...> Русь — глиняный горшок, в котором кипят, но не могут свариться разнообразные, несоединимые <...>.*

Предлагаемые метафорические модели традиционны для русской культуры и потому не нуждаются в детальном толковании. Однако внимания заслуживает «оценочная» аура концептуальной структуры: идея пробуждения ото сна оспаривается (*бредит* — актуализация семантических компонентов ‘болезнь’, ‘расстройство’, ‘бессознательно’); *перочинному ножичку* как символу цивилизации противопоставляется *топор*, в свою очередь являющийся символом русского бунта, «бессмысленного и беспощадного» (в этой же модальности интерпретируется идиоматическое выражение *встаёт на дыбы*, вызывающее ассоциации с орудием пыток); наконец, не случайна метафора *глиняного горшка с кипящим варевом*, предполагающая акцент на несовершенстве, пугающей бессмысленности происходящего (потому и *не могут свариться*).

В развитие «цивилизационной» темы в структуре анализируемого концепта отметим «телесную» метафорическую модель: *...устроят европейцы мир промежду себя за наш счёт, разрежут Русь на кусочки и начнут глотать с её костей мясо*. Не отделяющая себя от Руси интеллигенция (в ближайшем окружении ключевого слова частотно представлены местоимения *у нас, наша*) мыслит себя находящейся как бы между двух огней — пугающим своей дикостью и непредсказуемостью народом и «цивилизованным», но чужим, а потому опасным, миром (*Европой*).

Таким образом, концептуальная структура с именем *Русь* может быть представлена как состоящая из доминантного слота «предощущение бунта» с проекцией на «образ народа», при этом вербализаторы каждого из выделенных слотов предполагают актуализацию оценочных компонентов отрицательной модальности. Периферия концепта слабо структурирована, значимой оказывается только намеченная оппозиция «власть vs. народ».

6. Структурные компоненты модели текстового концепта **РОССИЯ**

Обращение к анализу гораздо более широкого круга текстовых фрагментов с ключевым именем *Россия* даёт основание для уточнения выявленных и реконструкции новых слотов концепта.

Так, отмечается усложнение слота «власть vs. народ»: слот становится трёхкомпонентным за счёт включения в его структуру элемента — «интеллигенция»: *У России один путь <...> на мужике далеко не уедешь, что есть одна только лошадь, способная сдвинуть воз, — интеллигенция; <...> у нас, в России, потому что у нас есть категория людей, которых не мог создать даже высококультурный Запад, — я говорю именно о русской интеллигенции, о людях, чья участь — тюрьма, ссылка, каторга, пытки, виселица; <...> зная Европу, я нахожу, что в лице интеллигенции своей Россия создала нечто совершенно исключительное и огромной ценности; <...> Мы — это те силы России, которые создали её международное блестящее положение её внутреннюю красоту и своеобразную культуру; А Россия прежде всего нуждается в десятках тысяч научно квалифицированной интеллигенции <...>; Через несколько месяцев Романовы намерены устроить празднование своей власти над Россией. <...> Как отнесёмся мы, интеллигенция, к этому праздничку?; Жизнь верхней корочки несъедобного караяя, именуемого Россией, можно озаглавить так: «История головоломных прыжков русской интеллигенции».*

Приведённые контексты вполне непротиворечиво отражают результаты саморефлексии представителей нового для России социального слоя: интеллигенция мыслит себя в оппозиции и к народу (*мужик*), и к власти (*Романовы*) и именно себе склонна отводить ведущую роль в государственном развитии (*прежде всего нуждается*). Подчеркивая собственную безусловную уникальность (*не мог создать даже высококультурный Запад*), интеллигенция даёт высокую оценку и прошлым (создатели *международного положения и культуры* с ореолом жертвы), и будущим своим деяниям (*лошадь, способная сдвинуть воз*).

Контексты с ключевым именем *Россия* реализуют и идею «несоответствия» народа ожиданиям интеллигенции, переводя её в рассуждение о «лишнем» человеке: *Я вообще мало знаю и не понимаю Россию. Мне кажется — это страна людей, которые не нужны никому и сами себе не нужны; В России говорят не о том, что важно, читают не те книги, какие нужно, делают не то, что следует, и делают не для себя, а — на показ; <...> в России, стране полудиких людей <...>; Россия, как знаешь, изобилует лишними людьми. Были из дворян лишние, те — калялись, вот — явились кающиеся купцы. <...> В массе буржуазия наша невежественна*

и как будто не уверена в прочности своего бытия. Много нервных больных; <...> Москва, **Россия** устали за годы социального террора, возглавляемого царём «карликовых людей»; Самодержавие — бессильно управлять народом. Нужно, чтобы власть взяли сильные люди, крепкие руки и очистили **Россию** от едкой человеческой пыли, которая мешает жить, дышать.

Структура слота «власть vs. интеллигенция vs. народ», объективирующего представление о социальной вертикали, где интеллигенция — *верхняя корочка каравая*, дополнительно усложняется за счёт включения в антонимические отношения «пространственной» горизонтали — «центр vs. провинция» и, как вариант, «город vs. деревня»: *Нам необходимо всосать в города половину деревенской **России**, тогда мы и начнём жить; ...это город (Петербург), не похожий на русские города <...> эта голова огромного тела **России** наполнена мозгом холодным и злым; <...> с Поклонной горы она (Москва) кажется хаотической грудой цветистого мусора, сметённого со всей **России**, но золотые главы многочисленных церквей её красноречиво говорят, что это не мусор, а ценнейшая руда; <...> Здесь (Москва) и мозг **России** и широкое сердце её; <...> никогда не чувствовала, что есть **Россия**, кроме Москвы.*

Предложенный в данном блоке текстовых фрагментов вариант реализации метафорической модели «Россия ↔ тело» правомерно рассматривать как отражение не только специфики пространственно-географического устройства государства, но и его социальной разобщённости, ибо «управляющий орган» (*мозг*) мыслится отделённым и отдалённым от «управляемого тела» (*холодный и злой*). Россия предстаёт в образе «тела», части которого плохо сообщаются друг с другом: жизнь одного «органа» предполагает смерть другого (*деревня* должна быть принесена в жертву); если первая столица наполнена *холодным мозгом*, то вторая является олицетворением души (*церковь, вера — ценнейшая руда*) — потенциальной социальной скрепы. При этом однозначно определить, что есть реальность, а что лишь *кажется* — *цветистый мусор* или *ценнейшая руда*, — едва ли возможно (*Москва намусорила... Много виновата Москва перед нами, перед Россией*).

России как живому организму ставится неутешительный диагноз: *Ох, нездорова **Россия**...; **Россия** — страна не-бла-го-по-лу-чая <...> Насквозь неблагополучная; Разболтали, расхлябали **Россию**-то!; ...что будет делать **Россия**, которая разваливается <...>; <...> с **Россией** — очень плохо, никто её не любит, царь и царица — тоже не любят. Честных патриотов в **России** нет, а только — бесчестные.*

Что касается ожидаемых социальных перемен (*Россия просыпается / пробуждается*), то тема грядущей революции переводится в сугубо поли-

тически плоскость партийной борьбы, что объективировано включением в контекст названий политических объединений (*кадетики, эсеры, социал-демократики, рабочая партия, социалистическая партия и др.*). При этом признаётся следующее: *Революция в России возможна лишь как мужицкий бунт, то есть как явление культурно бесплодное, разрушительное <...>; Россия нуждается не в революции, а в реформах. Революцию нельзя понять иначе как болезнь, как воспаление общественного организма....*

Интеллигенция, мыслящая себя творцом российской истории и культуры, не отрицает, что идея революции заимствована ею из Европы. Попытке осмыслить собственное место в европейской культуре и — шире — цивилизации отводится особое место в дискурсе представителей интеллигенции, желающих посмотреть «на Россию глазами умного и любящего европейца». Вывод неутешителен: Россия — не Европа, которая видится как социально однородная структура, и даже не Соединённые Штаты: *Между Америкой и Россией есть много общего, но Россия являет собой государство ещё менее целостное, ещё более резко и глубоко разобщённое.*

На этом фоне целесообразно вернуться к интерпретации образа европейцев, объединившихся в «обгладывании костей» России: речь идёт о предсказуемом её финансовом уничтожении: *Национальное имущество России исчисляется суммой 120 миллиардов...; Теперь — купец у власти, а капиталов у него — не велик запас, так он и начнёт иностранцев звать: «Покупайте **Россию!**»; <...> распродадут они **Россию**; <...> **Россия** обанкротится; <...> даже если он половинку **России** французским банкирам заложил бы.*

7. Заключение

Таким образом, анализ ближайшего контекстного окружения имени *Россия* позволил выявить несколько семантических областей, вступающих в сложную систему взаимных связей: «власть — интеллигенция — народ», «революция — бунт», «Европа — Запад», «болезнь» и «деньги». Связи эти оказываются столь многочисленными и разнонаправленными, что выделить абсолютную доминанту концепта из числа перечисленных слотов крайне затруднительно. Периферия же концептуальной структуры включает (в дополнение к выявленным на этапе моделирования текстового концепта *Русь* слотам «пейзаж» и «пьянство») слот «церковь / вера».

Подводя итоги, считаем необходимым подчеркнуть, что объективированный в лексической структуре романа-эпопеи «Жизнь Клима Самгина» концепт **РОССИЯ** представляет собой вариант национального концепта как инварианта, поскольку заполнение матричной структуры детермини-

ровано и индивидуальной мировоззренческой позицией (как автора, так и персонажей), и рамками социальной группы, и событийным фоном.

Источники и принятые сокращения

1. *Горький М.* Жизнь Клим Самгина [Электронный ресурс] / М. Горький. — ЛитРес, 2015. — Режим доступа : http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7390015.
2. *Программа* составления конкордансов по некоторому корпусу текстов : версия AntConc3.2.4w [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/antconc_index.html.
3. Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. I—IV.

Литература

1. *Вергилис А.* Человек — это потом [Электронный ресурс] / А. Вергилис // Литература. — 2019. — Режим доступа : http://litteratura.org/issue_publicism/2307-aleksandr-vergelis-chelovek-eto-potom.html.
2. *Караулов Ю. Н.* Понятие языковой личности в трудах В. В. Виноградова / Ю. Н. Караулов // Русский язык : языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах : Виноградовские чтения XIV—XV. — Москва : Наука, 1987. — 191 с.
3. *Краткий* словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой [и др.]. — Москва : Издательство МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 249 с.
4. *Крюкова О. С.* Национальная идентичность : повседневный и символический уровень в литературных примерах / О. С. Крюкова // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. — 2018. — № 27 (27). — С. 8—15.
5. *Кубрякова Е. С.* Об одном фрагменте концептуального анализа слова ПАМЯТЬ / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты / под ред. Н. Д. Арутюновой. — Москва : Наука, 1991. — 204 с.
6. *Моррис Ч. У.* Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика. Антология / сост. Ю. С. Степанов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. — С. 129—143.
7. *Николаева Т. М.* От звука к тексту / Т. М. Николаева. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — 680 с.
8. *Полякова Л. В.* Защищена докторская диссертация «Историософский текст русской революции в художественной литературе и публицистике XX века» / Л. В. Полякова // Филологическая регионалистика. — 2012. — 2 (8). — С. 81—87.
9. *Спиридонова Л. А.* «Жизнь Клим Самгина» М. Горького — книга века / Л. А. Спиридонова // Literary Calendar: Books of the Day. — 2011. — № 1 (10). — С. 6—21.
10. *Чурилина Л. Н.* Концепт «православная цивилизация» как доминанта национальной картины мира / Л. Н. Чурилина // Русистика 2018 : материалы международного научного симпозиума „Экология языка и современная коммуникация“

26—29 апреля 2018 г. (Шумен-СОК Камчия), посвященного 45-летию русистики в Шуменском университете им. епископа Константина Преславского (г. Шумен, Болгария). — Шумен : Химера, 2018. — С. 105—109.

11. *Чурилина Л. Н.* «Третий Рим» : образ России в новейшем религиозном дискурсе / Л. Н. Чурилина, Е. Н. Деревскова // Образ России в условиях информационной войны конца XX — начала XXI в. : тенденции обновления политического дискурса : материалы международной научной конференции / под. ред. С. Г. Шулежковой. — Магнитогорск : Издательство МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. — С. 246—253.

RUSSIA Art Concept as National Concept Variant

© **Lyubov N. Churilina (2019)**, orcid.org/0000-0002-2898-8538, Scopus ID 57193090940, Autor ID 475708, SPIN-code 7816-6683, Doctor of Philology, professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia), lchurilina@gmail.com.

© **Darya S. Buzhinskaya (2019)**, orcid.org/0000-0002-4557-8100, Scopus ID 57193091672, Author ID 281286, SPIN-code 6481-3999, PhD in Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia), buzhinskaya_d@mail.ru.

The article is devoted to the presentation of the results of the analysis of the concept RUSSIA as a fragment of art discourse and at the same time a fragment of the national picture of the world formed at the turn of the 19th and 20th centuries — a turning point in the history of the state. The specificity of the concept RUSSIA as a concept-stereotype is determined by its direct correlation with the self-identification of representatives of a social group, which allows to qualify it as a national picture of the world dominant. As a source of material for the reconstruction of the concept, the text of Maxim Gorky's novel "Life of Klim Samgin" is used, in which the author genius materializes the reflection of the Russian intelligentsia as a social layer in the diversity of its representatives. The study focuses on corpus content analysis combined with statistical, contextual, distributive and component analysis techniques. The novel polysubjectness determined by the genre of the epic novel and kaleidoscopic points of view associated with it allowed to imagine the concept model in the form of a matrix, filling of which by lexical material is determined both by individualized ideological position, by particular social group, and by event background. Analysis of the immediate environment of RUS / RUSSIA concept names revealed several semantic areas (slots), entering into a complex system of mutual relations: "power — intelligentsia — people," "revolution — revolt," "Europe — West," "disease" and "money." The periphery of the conceptual design includes slots "landscape," "drinking," "Church / faith." The system links of the slots are so numerous and multidirectional that it is extremely difficult to distinguish the absolute dominant of the concept and to present its structure as hierarchical.

Key words: art discourse; national self-identity; text concept; concept verbalizers; concept-stereotype; concordance.

Material resources

Fasmer, M. (1986—1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Progress. I—IV. (In Russ.).

Gorkiy, M. (2015). *Zhizn' Klima Samgina*. LitRes. Available at: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7390015. (In Russ.).

Programma sostavleniya konkordansov po nekotorym korpusu tekstov: versiya AntConc3.2.4w. Available at: http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/antconc_index.html. (In Russ.).

References

Churilina, L. N. (2018). Kontsept «pravoslavnyaya tsivilizatsiya» kak dominantna natsionalnoy kartiny mira. In: *Rusistika 2018: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma "Ekologiya yazyka i sovremennaya kommunikatsiya" (Shumen-SOK Kamchiya), posvyashchennogo 45-letiyu rusistiki v Shumen-skom universitete im. episkopa Konstantina Preslavskogo (g. Shumen, Bolgariya)*. Shumen: Khimera. 105—109. (In Russ.).

Churilina, L. N., Derevskova, E. N. (2017). «Tretiy Rim»: obraz Rossii v noveyshem religioznom disкурse. In: *Obraz Rossii v usloviyakh informatsionnoy voyny kontsa XX — nachala XXI v.: tendentsii obnovleniya politicheskogo diskursa*. Magnitogorsk: Izdatelstvo MGTU im. G. I. Nosova. 246—253. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (1987). Ponyatiye yazykovoy lichnosti v trudakh V. V. Vinogradova. In: *Russkiy yazyk: yazykovye znacheniya v funktsionalnom i esteticheskom aspektakh*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Kryukova, O. S. (2018). Natsionalnaya identichnost': povsednevnyy i simbolicheskiy uroven' v literaturnykh primerakh. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy otkrytoy akademii*, 27 (27): 8—15. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (1991). Ob odnom fragmente kontseptualnogo analiza slova PAMYAT'. In: *Logicheskiy analiz yazyka: kulturnyye kontsepty*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (ed.). (1997) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov*. Moskva: Izdatelstvo MGU im. M. V. Lomonosova. (In Russ.).

Morris, Ch. U. (2001). Osnovaniya teorii znakov. In: Stepanov, Yu. S. (ed.). *Semiotika. Antologiya*. Moskva: Akademicheskii Proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga. 129—143. (In Russ.).

Nikolaeva, T. M. (2000). *Ot zvuka k tekstu*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

Polyakova, L. V. (2012). Zashchishchena doktorskaya dissertatsiya «Istoriosofskiy tekst russkoy revolyutsii v khudozhestvennoy literature i publitsistike XX veka». *Filologicheskaya regionalistika*, 2 (8): 81—87. (In Russ.).

Spiridonova, L. A. (2011). «Zhizn' Klima Samgina» M. Gorkogo — kniga veka. In: *Literary Calendar: Books of the Day*, 1 (10): 6—21. (In Russ.).

Vergilis, A. (2019). Chelovek — eto potom. In: *Litteratura*. Available at: http://litteratura.org/issue_publicism/2307-aleksandr-vergelis-chelovek-eto-potom.html. (In Russ.).